

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИТАЛИИ. ВЕХИ СТОЛЕТНЕГО ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПУТИ

О. И. КУСЕНКО

Аннотация

Статья посвящена ретроспективной хронике научной эволюции итальянской историографии русской мысли по случаю ее столетнего юбилея. Устойчивый интерес к русской философской культуре в Италии возникает на фоне революционных событий 1917 г. Именно тогда итальянские специалисты обратились к России – ее истории, культуре, мысли – как к проблеме. Итальянские исследования русской философии проделали в XX столетии значительную эволюцию от академического энтузиазма отдельных ученых до формирования научно-историографической традиции со своими особенностями, яркими представителями и серьезным научным потенциалом. Автор выделяет три этапа становления итальянской философской русистики как самостоятельной предметной области, наполняя их персоналиями и трудами, задавшими общее направление междисциплинарных исследований русской мысли. В заключительной части статьи анализируется зависимость историографической традиции Италии от специфики национальной философской традиции.

Ключевые слова: итальянская историография, русская философия, итальянская философия, зарубежные исследования русской философии, Бенедетто Кроче, Франко Вентури, Кьяра Кантелли.

Кусенко Ольга Игоревна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН.

isaf137@gmail.com

Цитирование: КУСЕНКО О.И. (2017) Исследования русской философии в Италии. Вехи столетнего историко-философского пути // Философские науки. 2017. № 6. С. 83–97.

Свидетельством востребованности идейного наследия русской мысли являются опыты ее зарубежного осмысления. В Европе в начале XX в. формируются национальные традиции изучения русской мысли: французская, немецкая, сербская, польская. Оригинальные работы, специально посвященные истории, отдельным течениям и представителям русской философской культуры начинают появляться и в Италии – на духовной родине многих русских писателей и мыслителей. Однако богатая история одной из наиболее развитых в Европе национально-своеобразных школ (1) изучения русской мысли практически неизвестна в России, несмотря на то обстоятельство, что итальянские ученые предпринимают значительные попытки для актуализации идейного наследия русской мысли на Западе.

Систематический интерес к России, к ее истории, культуре, в том числе и к культуре философской, возникает в Италии на фоне русских революционных событий 1917 г. Таким образом, 2017 год — юбилейный год итальянской историографии русской философии. За свою вековую историю она прошла тернистый путь: от скептических оценок русской философии как объекта исследования до признания за ней самостоятельной предметной и проблемной отрасли знания. Три периода развития итальянских исследований русской философии последовательно сменили друг друга: пропедевтический (1917–1945), послевоенный период оформления характерных черт итальянской философской русистики (1945–1970-е гг.) и, наконец, современный этап многообразия мировоззренческих исследовательских ориентаций (1980-е гг. — настоящее время).

Russicum est, non legitur*

Первый период развития итальянской философской русистики был весьма неоднозначным: комплиментарные установки по отношению к русской мысли чередовались с резко критическими. Итальянские мыслители обращались к определенным сюжетам русской философии, но это обращение было весьма эпизодическим. Так, участники известного в Италии объединения флорентийская «Философская библиотека» (2), изначально ориентированные на критику позитивизма, были знакомы с избранными трудами Вл. Соловьева, Достоевского, Толстого, Бердяева, Н. Лосского. Ведущие представители этого объединения, философы Джованни Папини (Giovanni Papini) и Джованни Вайлати (Giovanni Vailati), даже начинали учить русский язык под руководством поэта Юргиса Балтрушайтиса, но дальше общего увлечения русской культурой и литературой их интерес не распространился. Систематические исследования русской мысли в Италии начнутся не в среде профессиональных философов, а трудами славистов и католических ученых.

До 1920-х гг. в Италии не было специалистов, которые могли бы читать произведения русских мыслителей в оригинале. Это, несомненно, отражалось на качестве работ, носивших несамостоятельный и компилятивный характер. Ситуация изменилась с появлением первых специализированных кафедр (3), профильных организаций, исследовательских центров и журналов, на страницах которых нашли свое место работы представителей первого поколения профессиональных славистов, русистов, историков и переводчиков уже в совершенстве владеющих русским языком и глубоко знающих русскую культуру

* лат.: «Это по-русски, не читается» (парафраз средневековой поговорки «Graecum est, non legitur» — «Это по-гречески, не читается»). Близко по значению к русскому выражению «китайская грамота».)

и литературу. В первую очередь здесь нужно назвать такие имена, как Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto), Эвел Гаспарини (Evel Gasparini), Джованни Мавер (Giovanni Maver), Вольфанго Джусты (Wolfango Giusti). Работы этих ученых выходят за границы чистой славистики, приближаясь к жанру истории идей. Так, известная семитомная монография Ло Гатто «История русской литературы» [Lo Gatto 1927–1945] (4) представляет собой историю русских интеллектуалов, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В предисловии к изданию говорится о том, что цель работы — помочь итальянским читателям рассмотреть произведения русской литературы в тесной связи с тем временем, когда они были написаны. В жанре истории идей написана и серия монографий Джусты: «Изучение русской мысли эпохи Просвещения и либеральной мысли в XVIII–XIX вв.» [Giusti 1938], «Заметки по истории русской мысли» [Giusti 1936], «Герцен и его отношения с Мадзини и Италией» [Giusti 1935]. Эти и другие работы заложили научную базу для квалифицированного изучения истоков и проблематики русского радикального течения мысли. Внимание Ло Гатто и славистической группы его единомышленников к научной и интеллектуальной биографии русских мыслителей, к интеллектуальной истории России, к историко-философским исследованиям и разработке исследовательской и дидактической методологии способствовало становлению историографии русской философии как самостоятельной предметной области в Италии.

Устойчивый научный интерес к русской религиозной мысли наблюдается после русской революции в католических кругах. Причиной тому — актуализировавшийся после 1917 г. вопрос о воссоединении церквей, а также движение обновления внутри самой Католической Церкви. По своим устремлениям «католический модернизм» был близок взглядам многих русских религиозных философов — участников религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге. Одним из первых вклад в распространение знаний о русской религиозной философии в Италии внес монах и ученый-богослов Аурелио Пальмиери (Aurelio Palmieri). Он был другом и корреспондентом Е. Трубецкого, Эрна, Вяч. Иванова, Яковенко, П. Флоренского и знакомил итальянскую публику с их идеями.

Несмотря на достаточно интенсивную работу итальянских ученых по освоению философского наследия России, среди итальянских интеллектуалов доминировал крочеанский, резко критический взгляд на русскую мысль. Бенедетто Кроче (Benedetto Croce) наделял русскую философию такими эпитетами, как: варварская, отсталая, инфантильная. В газетной заметке-рецензии 1918 г. по поводу ожидаемой публикации перевода книги Т. Масарика «Россия и Европа» (5) итальянский философ высказывал следующие крайне пренебрежительные оценки: «Русский народ не создал ничего своего, он просто

заимствовал немецкую философию, компилировал труды на основе восприятия английской и французской мысли. П. Лавров основывается в своих сочинениях на Прудоне и Бауэре. Михайловский повторяет все за Гегелем и Контом. Соловьев не умеет философствовать и слепо подражает Эдуарду Гартману... Никакого следа оригинальности: все эти люди не стоят того, чтобы их читать, и должны заново начать свое обучение прописным истинам философской науки, формальной логики и многим другим вещам, которые являются базовыми и очевидными для европейской философской традиции» [Croce 1953, 278]. Несмотря на всю свою высочайшую образованность, Кроче был, конечно, крайне слабо информирован о конкретных проявлениях русской философской культуры (6), равно как и многие другие итальянские интеллектуалы. Собственно, видимых точек соприкосновения у Кроче, племянника Бертрандо Спавенты (Bertrando Spaventa) и представителя абсолютного идеализма, трансцендентизма и имманентизма, с русской философией не было.

Стереотипному восприятию русской мысли и примитивизации русской интеллектуальной истории в определенной мере способствовала и антифашистская интеллигенция, итальянские левые мыслители Джулиано Амендола (Giuliano Amendola), Антонио Грамши (Antonio Gramsci), Пьеро Гобетти (Piero Gobetti). В большевизме они видели альтернативу фашизму, настоящее воплощение философии действия, праксиса. Однако углубляясь в историю русской мысли, дабы найти истоки такого мощного и энергичного явления, как большевизм и не находя их, они объявляли русскую философию «парадоксальной», непоследовательной и замыкали ее в пределах специфически национальной традиции, слабо связанной с ходом развития европейской истории идей. К подобному выводу приходит Гобетти в своей книге «Парадокс русского духа» [Gobetti 1926].

Не раз еще вслед за Кроче и Гобетти другими итальянскими авторами утверждалась мифологема о чуждости русской мысли «духу» итальянской цивилизации, наследницы лучших традиций античной философии и эстетики. В известной степени подобные крайние скептические позиции, возникающие из-за отсутствия объективного и всестороннего исследования феномена, сыграли роль полемического ускорителя в развитии итальянского философского россиеведения, так как, преодолеваясь, они двигали историографическую науку вперед.

Pars integrans corporis philosophici europae**

Полноправной компонентой европейской и мировой истории идей русская мысль признается на втором этапе развития итальянской философской русистики. После 1945 г. исследования русской фило-

** лат.: «Неотъемлемая часть европейской философии».

софии в Италии интенсифицируются: заметно увеличивается число студентов, изучающих русский язык и литературу, возрастает число университетских кафедр. Такая тенденция питалась широко распространенными в послевоенные годы общественными настроениями: освобождавшаяся от наследия фашизма Италия стремилась ближе узнать страну, сыгравшую столь очевидную роль в военных действиях антигитлеровской коалиции и в разгроме фашистского блока. Кроме того, в послевоенное время в Италии происходит смена мировоззренческих ориентиров: марксизм, экзистенциализм и персонализм прочно входят в национальный философский дискурс. В сфере духовной жизни с конца 1940-х гг. стал утрачивать былое влияние крочанский идеализм (7). Симпатии интеллигенции обращаются «влево» — к рабочим партиям, особенно к стремительно росшей ИКП, которая в свою очередь немало способствует активной рецепции русской философской культуры. На фоне общего интереса к социально-политической мысли внимание официального академического сообщества уделялось главным образом русским философам революционных направлений (Ленину, Герцену, Бакунину, Кропоткину, Богданову, Троцкому, Бухарину и др.), выходили квалифицированные обобщающие научные публикации, посвященные русскому народничеству и марксизму (Ф. Вентури «Русское народничество» [Venturi 1952], Джусты «Русская политическая мысль: от декабристов до Первой мировой войны» [Giusti 1939], В. Страда «Традиция и революция в русской литературе» [Strada 1969]). В 1940-е гг. были опубликованы «Тюремные тетради» А. Грамши, стимулировавшие усиленный интерес к русскому варианту марксизма. Разумеется, итальянское россиеведение претендует на первенство в освоении центральной советологической темы: причин и условий формирования большевизма. Однако надо учитывать, что, в отличие от других стран Запада, Италия в XX в. — это страна с укорененными «левыми» традициями, где не было глубоким влияние советологии.

Здесь вполне уместно провести формально-историческую параллель между итальянским россиеведением и так называемыми «русскими исследованиями» (Russian studies), которые распространились в период «холодной войны» на территории США и ряда западноевропейских стран. Если для американских советологов и кремленологов Советский Союз был «врагом номер один», то для Италии он был важным экономическим и социально-политическим партнером. И в этом смысле итальянские специалисты были свободны от метаидеологического горизонта «СССР — враг». В англоязычных Russian studies преимущественно создавалась альтернативная история русской философии в противовес советской с ее акцентом на материалистической линии и традиции. В Италии — стране, сочетавшей в себе развитое капиталистическое общество с сильным влиянием одной

из наиболее успешных в XX в. коммунистических партий, шла работа по компаративистскому исследованию разных вариантов марксизма и их конструктивной критике, по изучению разносторонней интеллектуальной истории России и ее соотношению с общеевропейским интеллектуальным контекстом.

Своеобразным символом этого этапа развития итальянских «русских исследований» по праву считается труд Франко Вентури (Franco Venturi) «Русское народничество», опубликованный в Турине в 1952 г. Будучи переведенной в 1960 г. на английский язык эта работа с предисловием И. Берлина получила мировую известность. Аккумулировав историко-философские достижения своих предшественников, Вентури задал совершенно новый тон и перспективу не только итальянской историографии русской философии, но и в целом всему зарубежному философскому россиеведению. В работе «Русское народничество» представлена логика развития русской мысли от декабристов до большевизма и обоснована родственность народнического движения общеевропейскому феномену социализма XIX в. Вентури, что называется, «европеизировал» русскую мысль, показал значимость циркуляции идей между Россией и Европой и единство их философских корней. Тем самым стереотип о «варварстве» и «парадоксальности» русской мысли, циркулировавший в итальянской историографической литературе, был преодолен.

Страшные реалии Второй мировой войны, поставившие перед европейскими мыслителями новые вопросы, актуализировали идеи русских мыслителей экзистенциального и персоналистического направления. В Италии общезначимость их наследия переоткрыли в своих работах академические философы: представитель онтологического персонализма Луиджи Парейсон (Luigi Pareyson), лидер христианского спиритуализма Микеле Фредерико Шакка (Michele Federico Sciasca), мыслитель католического направления Аугусто Дель Ноче (Augusto Del Noce). Перу последнего принадлежат исследования творчества Л. Шестова, его критики рационализма. В 1940-х гг. профессор Дель Ноче курировал издание трудов русского мыслителя (переводы работ Шестова выходят один за другим в послевоенной Италии: между 1943 и 1946 гг.). В истории русской мысли Дель Ноче находит критическую базу для осмысления и преодоления рационалистически-атеистических основ культуры. «Русская философия, — писал Дель Ноче, — начиная с Вл. Соловьева представляет собой фундаментальную критику основ классической немецкой философии, приведшей к марксизму. Для возрождения западной мысли мы должны пристальнее взглянуть и осмыслить те интуиции, которые содержит в себе русская философская традиция» [Del Noce 1963, 194]. Сходный взгляд на «русское начало» (das Russentum) как на гарант сохранения смыслов западной цивилизации выражен и в «Черных тетрадах» М. Хайдеггера (8).

Наряду с массовым изучением марксизма-ленинизма и с работами отдельных академических философов в Италии при поддержке Ватикана изучалось и систематизировалось наследие русских религиозных философов. Италия, Рим, Ватикан – это мировой духовно-образовательный центр с разветвленной структурой учебных заведений, дающих основательную теологическую подготовку. Здесь жили и работали известные католические ученые и знатоки русской философии со всей Европы: Бернхард Шульце (Bernhard Schultze), Фредерик Коплстон (Frederick Copleston), Густав Веттер (Gustav Wetter), Томаш Шпидлик (Tomáš Špidlík), Джино Пиовесана (Gino Piovesana) и др. Все они оставили обширные обобщающие работы по истории русской философии как на итальянском, так и на других европейских языках. Эти ученые, зачастую не являясь итальянцами по происхождению, но условно относимые к итальянской историографии русской философии в силу своей принадлежности к Римской Католической Церкви несомненно обогатили зарубежную русистику.

Интенсивный разворот итальянской католической теологии к русской религиозной мысли вызвал Второй Ватиканский собор (1962–1965). Он закрепил направленность католической мысли на диалог с мыслью православной, а последующие энциклики подтвердили намеченный вектор. Таким образом, на послевоенном этапе две основные силы – Коммунистическая партия Италии и Католическая Церковь – оказали первостепенное влияние на вектор и интенсивность философских «русских исследований».

Oriente Lumen^{*}**

Современное состояние итальянской философской русистики представляет собой закономерный результат ее предшествующего развития. Данная предметная область консолидировалась в относительно единую национально-своеобразную традицию, составляющую совокупность университетских (светских) и теологических (религиозно-ориентированных) направлений исследований. Университетское направление итальянской историографии русской философии характеризуется равновеликим вниманием ко всему многообразному спектру русской мысли в ее рационалистических и религиозно-ориентированных течениях, в то время как направление теологическое фокусируется скорее на вполне определенном типе рациональности – религиозном. При всех оговорках и условностях такого рода универсалистского разделения оно верно отражает различие базовых методологических и ценностных установок ее пред-

^{***} лат.: «Свет с Востока» (такое название носит энциклика Папы Иоанна Павла II (1995), в которой была закреплена направленность католической богословской мысли на обновление и на диалог с православной традицией).

ставителей, служа надежным таксономическим каркасом для упорядочивания и систематизации большого объема и разнообразия историко-философских исследований итальянских авторов.

В последней четверти XX в. в Италии сформировалось целое поколение ученых, для которых изучение русской философии стало главным предметом их научного интереса. В эту группу входят такие ученые, как: Адриано Дель Аста (Adriano Dell'Asta), Нинфа Боско (Nynfa Bosco), Даниэла Стейла (Daniela Steila), Сильвано Тальягамбе (Silvano Tagliagambe), Наталино Валентини (Natalino Valentini), Пьеро Кода (Piero Coda), Любомир Зак (Lubomir Zak), Роберто Салиццини (Roberto Salizzioni), Антонелло Вентури (Antonello Venturi) (9), Антонио Мазоеро (Antonio Masoero), Анжела Диолетта-Сиклари (Angela Dioletta Siclari) и др. (10).

Важной позитивной особенностью современного итальянского философского руссиеведения является тот факт, что критика западного рационализма русскими мыслителями воспринимается в Италии весьма конструктивно, как одно из наиболее интересных проявлений неравнодушного русского ума (11). Своеобразным лейтмотивом работ итальянских исследователей как теологического, так и университетского направления является мысль о том, что западная философия должна пристальнее приглядеться к русской и позаимствовать у нее те идеи, смыслы и ценности, которых ей самой недостает. В своей книге «Русская идея. Иное видение человека» [Špidlík 1995] (русское издание: [Шпидлик 2014]) историк русской философии кардинал Шпидлик пояснял задачу итальянских исследователей по отношению к предмету русской философии так: «Когда Петр Великий решил обновить великую царскую Империю, он исходил из определенной «идеи» европейского Запада. Он хотел привнести в Россию то, что сам выбрал на Западе среди стольких вещей и что, как ему казалось, могло привнести в его страну то, чего ей тогда не доставало. Приблизительно так же мы смотрим на Восточную Европу со стороны Запада: мы тоже имеем о ней определенную «идею» и намерение найти на славянском Востоке те начала, которых, как нам кажется, недостает духовной жизни и цивилизации Западной Европы и которые могут быть сюда привнесены» [Шпидлик 2014, 9]. В труде Шпидлика, согласно М.А. Маслину, «особо подчеркивается значение русской религиозной мысли для современного человека как философии сердца в отличие от западной философии, где остро ощущается дефицит сердца и любви» [Маслин 2015а, 32].

Однако нельзя не упомянуть и о том, что отдельных итальянских исследователей отличает резкий критицизм по отношению к основным проблемам русской мысли. Принципиальная позиция профессора эстетики Флорентийского университета Кьяры Кантелли (Chiara Cantelli), выраженная ею в статье «Русская философия: анаморфозы

западной философии», заключается в том, что все национальные философские традиции проходят этап встречи с канонической спекулятивной западной мыслью. Сначала они познают ее, становятся ее учениками, а затем стремятся переписать собственную мыслительную традицию по аналогии с западной или, наоборот, противопоставив себя ей. В отношении русской мысли, по мнению исследователя, верен второй сценарий. «Сам термин “русская философия”, — пишет Кантелли, — представляет собой парадокс: рожденная от контакта с европейской культурой в XVIII в. в процессе пассивного Просвещения, философия в России строит свою оригинальность на дистанцировании себя от западной мысли, на ее критике» [Cantelli 2010, 25]. Проследившая в статье судьбу рецепции западных идей русскими мыслителями, исследовательница приходит к выводу, что идентичность русской мысли строится на искажении («анаморфозах») западных концепций и на последующей критике в мессианском и эсхатологическом духе этих доведенных до парадоксальной крайности искажений (так, по мнению исследователя, произошло в случае с Г.В. Ф. Гегелем, И. Кантом, Л. Фейербахом, Ф. Ницше и др.). Кантелли озвучила по-итальянски общие места зарубежной критики национализма в русской философии. Одним из таких общих мест является толкование причины осуждения западного *ratio* русскими мыслителями в духе ресентимента или юнговского «коллективного бессознательного». К слову, кардинал Шпидлик, напротив, интерпретирует упомянутую Кантелли тенденцию как позитивно охранительную черту русской интеллектуальной традиции. В XIX–XX вв. эта охранительная тенденция перешла в активные попытки найти новое разрешение антиномий, выявленных западным сознанием, сформировав мессианское мироощущение русских философов, считающих себя ответственными за все человечество. Шпидлик полагает, что «истинный смысл этой ответственности был христологическим, кенотическим» [Шпидлик 2014, 204]. Получается, что там, где К. Кантелли усматривает философский национализм, несамостоятельность и попытку освободиться от интеллектуального колониализма западной мысли, кардинал Шпидлик видит положительное своеобразие, смелость, жертвенность и ответственность русской мысли перед миром.

Приведенные оценки русской мысли, как комплиментарные, так и критические, несомненно углубляют наше представление об образе и значении последней в контексте развития мировой философской мысли, проясняют наше отношение к своей собственной философской традиции. В этом и заключается одно из принципиальных значений итальянской (и в целом всей зарубежной) историографии русской мысли. Разумеется, зарубежное философское россиеведение — комплексное предметное поле, открывающее большой потенциал не только для исследований «взгляда со стороны» на русскую мысль,

но и для проникновения в основные линии развития, смыслы, идеи и понятия иноязычных философских традиций. Ведь мировоззренческие, тематические и методологические особенности той или иной национальной историографической школы во многом зависят от наличного состояния философской культуры страны. Специфика итальянских исследований русской мысли во многом обусловлена внутренним стержнем самой итальянской философии, который не мог не проявиться в тематических и мировоззренческих предпочтениях итальянских историографов. Этим стержнем, спецификой итальянской философии представляется ее историческая конкретность (12). Стремление мыслить исторически объединяет самых, казалось бы, различных итальянских философов: родоначальника средневекового хилиазма Иоахима Калабрийского; Данте, создающего «Божественную комедию» не *ad speculandum*, но *ad opus*; Н. Маккиавели и Ф. Гвиччардини; Дж. Вико с его формулой *verum-factum*. В XIX в. установка на историческую конкретность проявляется у В. Джоберти и А. Розмини-Сербати. Джоберти не только представитель онтологизма, автор «Философии откровения», но он же размышлял о неогвельфизме, а Розмини стремился выработать философскую систему, которая бы послужила опорой для Церкви. И, конечно, проблемы конкретной жизни и истории сквозной линией проходят через творчество таких разных по своим взглядам мыслителей XX в., как: Кроче, Джентиле и Грамши.

Русская социально-революционная мысль, обстоятельно исследуемая итальянцами, предполагает включенность философии в условия конкретной исторической действительности без неосуществимых устремлений в потустороннее. Отсюда близость революционного романтизма Герцена итальянскому мироощущению, интерес к «субверсивным идеям» [Гарзонио 2015, 130] Бакунина и Кропоткина, труды которых регулярно переиздаются в Италии, внимание к социальной философии Толстого, проекту теократического устройства Соловьева и др. Затем обращенность богословской мысли к русской религиозной философии и сам католический модернизм с его стремлением сделать вероучение соразмерным современному миру и человеку с его насущными проблемами также во многом объясняются установкой на историческую конкретность. Католических исследователей особо интересует историософская проблематика Бердяева, Булгакова, Франка, Карсавина. Идеи Флоренского, наряду с эмпириомонизмом Богданова, учением Вернадского о ноосфере и иными концепциями русских мыслителей изучаются итальянскими представителями философии науки, что, как нам представляется, опять-таки обусловлено этим конкретным, прикладным характером итальянской философской культуры. Из этого весьма выборочного перечисления следует, что проникновение в сущность и специфику вековой и в то же время

динамично развивающейся традиции итальянских исследований русской мысли, способствует познанию причин возникновения глубоких философских связей России и Италии.

Формирование взаимного интереса историков философии Италии и России к друг другу находится, по сути дела, еще в самом начале. В 1915 г. Эрн, сетуя на «странное пренебрежение к итальянской философии XIX столетия» [Эрн 1915, 242], выражал надежду на то, что «Розмини и следующие за ним итальянские мыслители должны занять по праву принадлежащее им место, и несправедливость, допущенная в отношении к ним обозревателями новейшей философии, не должна иметь более продолжения» [Эрн 1915, 242–243]. Столетие минуло с момента произнесения Эрном этих слов перед защитой диссертации «Розмини и его теория знания» (13) в Московском университете, однако ситуация, насколько можно видеть, кардинально ничуть не изменилась. Собственно, это «странное пренебрежение» к итальянской философии распространяется и на итальянскую традицию исследования русской мысли, столетний юбилей которой не был замечен отечественными историками русской философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Понятие «национальная школа» здесь употребляется с определенной долей условности, так как не подразумевает наличия общей для всей италоязычной историографии теоретической платформы интерпретации русской философии.

(2) «Философская библиотека» Флоренции – философское объединение, созданное в 1908 г. группой флорентийских мыслителей и литераторов (среди которых Дж. Амендола, Дж. Вайлати, Дж. Папини, М. Кальдерони, Дж. Преццолини и др.), объединенных антипозитивистской установкой и желанием найти всеобъемлющую философскую доктрину для обновления итальянского общества. Членами объединения регулярно организовывались семинары и конференции по актуальным проблемам философии и религии, публиковались сборники докладов, получившие широкий резонанс в Италии. Надо отметить, что это название – «Философская библиотека» – носило также другое, южноитальянское (Палермо) объединение мыслителей и интеллектуалов, председателем которого был Дж. Джентиле.

(3) Первая кафедра славистики в Италии была основана в 1920 г. в Падуе. Затем появились кафедры в Риме, Милане, Триесте, Венеции, Неаполе, Флоренции.

(4) «История русской литературы» Ло Гатто переиздавалась шесть раз. Последнее издание вышло в 1979 г., когда ученому было уже почти 90 лет. Издание было им лично еще раз исправлено и увеличено.

(5) Книга была переведена на итальянский Ло Гатто в 1918 г., но Кроче заблокировал ее публикацию. В итальянском переводе «Россия и Европа» увидела свет в 1925 г. в издательстве Института Восточной Европы (Рим).

(6) Позже в начале 1930-х гг. в своей книге «История Европы в XIX веке» (Storia d'Europa nel secolo decimonono. – Milano, 1991) Кроче уделил главу

истории и мысли России, отметив Николая I как единственного «положительного персонажа», противостоящего «варварам». На декабристов, колыбель русской либеральной мысли, он смотрел лишь как на бунтарей, не имевших под собой никакой мировоззренческой базы; см.: [Гросе 1991].

(7) Новое поколение интеллигенции, пройдя через опыт Сопротивления, уже не удовлетворялось ни философией Кроче, ни его политической программой, предусматривавшей лишь восстановление дофашистской либерально-парламентской системы.

(8) Подробнее о взглядах Хайдеггера на русскую культуру см.: [Мотрошилова 2015]. В этой же статье дается комментированный перевод отдельных сюжетов «Черных тетрадей».

(9) Сын Ф. Вентури, преподаватель истории в университете г. Пиза. В область научных интересов А. Вентури входят более поздний, по сравнению с исследованиями Ф. Вентури, этап развития русского народничества (история наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партии социалистов-революционеров), община русских эмигрантов в Италии после 1917 г., русская советская историография как механизм формирования русской идентичности и представлений о революции. Тема народничества уже не столь популярна в итальянском россиеведении, как в 50–60-е гг. XX в., однако А. Вентури разрабатывает отдельные ее сюжеты, считая это идейное течение особым явлением русской культуры и цельной идеологией, соединяющей в один комплекс экономические, социально-политические, культурно-философские идеи о самобытности русского пути общественного развития.

(10) Перу этих исследователей принадлежат следующие важные монографии: Дель Аста «Творчество. Начиная с Бердяева» (*Dell'Asta A. La creatività. A partire da Berdjaev. – Milano, 1977*); Боско «Соловьев. Приглашение к чтению», «Соловьев и современное христианство» (*Bosco N. Vladimir Solov'ev. Invito alla lettura. – Cinisello Balsamo, 2001; Bosco N. Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. – Padova, 2005*); Стейла «Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910)» (*Steila D. Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empirio-criticismo nella cultura russa (1877–1910). – Firenze, 1996*; Рус. издание: – М., 2014); Валентини «Павел Флоренский. Разум и диалектика» (*Valentini N. Ragione e dialettica. – Brescia, 2004*); Кода «Другое Бога. Откровение и кенозис у С. Булгакова» (*Coda P. L'altro di Dio. Rivelazione e kenosi in S. Bulgakov. – Roma, 1998*) – подробнее о специфике работ Валентини и Кода см.: [Кусенко 2016]; Саллициони «Русская идея эстетики. София и космос в искусстве и философии» (*Salizzioni R. L'idea russa di estetica. Sofia e Cosmo nell'arte e nella filosofia. – Torino, 1992*); Диолетта-Сиклари «Эстетика и религия в учении Л.П. Карсавина» (*Dioletta Siclari A. L'estetico e il religioso in P.L. Karsavin. – Milano, 1998*); Мазоеро «В.П. Воронцов и экономическая культура народничества» (*Masoero A. Vasilij Pavlovic Voroncov e la cultura economica del populismo russo (1868–1918). – Milano, 1988*); Тальягамбе «Дивергенция в революции. Философия, наука и техника в России (1920–1940 гг.)» (*Tagliagambe S. La divergenza nella rivoluzione. Filosofia, scienza e teologia in Russia (1920–1940). – Milano, 2016*). Эти и другие исследования свидетельствуют о том, что Русская мысль во всем ее многообразии стала фактом итальянского сознания.

(11) Такая особенность итальянской философской русистики контрастирует с тенденциями к враждебному и резко критическому восприятию антизападнического содержания русской мысли зарубежными историками русской мысли, которые разбирает в своих работах М.А. Маслин; см.: [Маслин 2015а; Маслин 2015б].

(12) Представления об исторической конкретности и практическом пафосе итальянской философии как ее характерных чертах разработаны в трудах итальянских историков философии и прочно вошли в европейский историко-философский дискурс; см.: [Garin 1990] и [Esposito 2010].

(13) Под редакцией Адзаро-Пульвиренти впервые вышел перевод на итальянский язык данного сочинения Эрн о Розмини (*Ern V.F. Rosmini e la sua teoria della conoscenza*. – Milano, 2010). Во вступительной статье Адзаро-Пульвиренти освещает историю рецепции творчества Эрн в Италии. «Неожиданное внутренне родство» [Эрн 1915, 250] Эрн и Розмини является, по ее мнению, примером интеллектуального взаимодействия итальянской и русской культур, вносящим вклад в единство «двух легких» – Римско-Католической и Православной Церкви; см.: [Azzaro Pulvirenti 2010].

ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

Гарзонио 2015 – *Гарзонио С.* Переписка В.И. Иванова и Л.Я. Ганьчикова // Русско-итальянский Архив X. – Салерно, 2015.

Кусенко 2016 – *Кусенко О.И.* Русская философско-богословская мысль в Италии // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 154–161.

Маслин 2015а – *Маслин М.А.* Европа и Россия: диалог о русской философии // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 3. С. 25–33.

Маслин 2015б – *Маслин М.А.* Философское россиеведение за рубежом // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1. С. 119–131.

Мотрошилова 2015 – *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131–162.

Шпидлик 2014 – *Шпидлик Т.* Русская идея: иное видение человека. – СПб., 2014.

Эрн 1915 – *Эрн В.Ф.* Место Розмини в истории философии // Вопросы философии и психологии. 1915. № 127 (2). С. 242–250.

Azzaro Pulvirenti 2010 – *Azzaro Pulvirenti R.* Introduzione // *Ern V.F. Rosmini e la sua teoria della conoscenza*. – Milano, 2010. P. 13–81.

Cantelli 2010 – *Cantelli C.* La filosofia russa: anamorfosi della filosofia occidentale // *Giornale di Bordo di Storia. Letteratura ed Arte*. 2010. № 8. P. 22–45.

Croce 1953 – *Croce B.* Il pensiero russo secondo due libri recensiti // *L'Italia dal 1914 al 1918. Pagine sulla guerra*. – Bari, 1953. P. 276–283.

Croce 1991 – *Croce B.* Storia d'Europa nel secolo decimonono. – Milano, 1991.

Del Noce 1963 – *Del Noce A.* Il concetto di ateismo e la storia della filosofia come problema. – Bologna, 1963.

Esposito 2010 – *Esposito R.* Pensiero vivente. – Torino, 2010.

Garin 1990 – *Garin E.* La filosofia come sapere storico. – Roma, 1990.

Giusti 1935 – *Giusti W.* Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia. – Roma, 1935.

Giusti 1936 – *Giusti W.* Annotazioni sul pensiero russo. – Roma, 1936.

Giusti 1938 – *Giusti W.* Studi sul pensiero illuministico e liberale russo nei secoli XVIII–XIX. – Roma, 1938.

Giusti 1939 – *Giusti W.* Il pensiero politico russo: dal decabrisimo alla guerra mondiale. – Milano, 1939.

Gobetti 1926 – *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo. – Torino, 1926.

Lo Gatto 1927–1945 – *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa. In 7 volumi. – Roma, 1927–1945.

Špidlík 1995 – *Špidlík T.* L'idea russa. Un'altra visione dell'uomo. – Roma, 1995.

Strada 1969 – *Strada V.* Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa. Torino: Einaudi, 1969.

Venturi 1952 – *Venturi F.* Il populismo russo. – Torino, 1952.

ITALIAN STUDIES IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT. THE CENTENIAL ANNIVERSARY OF HISTORIOGRAPHICAL TRADITION

O.I. KUSENKO

Summary

The article is devoted to a retrospective review of scientific evolution of Italian historiography of Russian philosophy on the occasion of its centennial anniversary. The changes which took place in Russia after the events of 1917 attracted a particular attention of Italian intellectuals to Russian history, culture and thought. The present paper provides an analysis of the process of Russian philosophy being popularized in Italy. The author determines and analyzes three periods in the formation of Italian studies in Russian thought. Each stage is characterized by a specific trends, personalities, their activities and major works. In conclusion author deals with the idea of a certain correlation between the perception of Russian thought in Italy and the character of Italian philosophical tradition.

Keywords: Italian historiography, Russian philosophy, Italian philosophy, Russian studies, Russian philosophy abroad, Benedetto Croce, Franco Venturi, Chiara Cantelli.

Kusenko Olga – Ph.D. in Philosophy, Junior Research Fellow at the Department of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

isafi137@gmail.com

Citation: *KUSENKO O.I.* (2017) Italian Studies in Russian Philosophical Thought. The Centennial Anniversary of Historiographical Tradition. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 83-97.

REFERENCES

Azzaro Pulvirenti R. (2010) Introduzione. In: Ern V.F. *Rosmini e la sua teoria della conoscenza*. Milano, 2010, pp. 13-81.

- Cantelli C. (2010) 'La filosofia russa: anamorfofi della filosofia occidentale'. In: *Giornale di Bordo di Storia, Letteratura ed Arte*. 2010. Vol. 8, pp. 22-45.
- Croce B. (1953) 'Il pensiero russo secondo due libri recensiti'. In: *L'Italia dal 1914 al 1918. Pagine sulla guerra*. Bari, 1953, pp. 276-283.
- Croce B. (1991) *Storia d'Europa nel secolo decimonono*. Milano, 1991.
- Del Noce A. (1963) *Il concetto di ateismo e la storia della filosofia come problema*. Bologna, 1963. 586 p.
- Ern V. F. ЭРН (1915) 'The Place of Rosmini in the History of Philosophy'. In: *Approaches to Philosophy and Psychology*. 1915. Vol. 127 (2), pp. 242-250 (in Russian).
- Esposito R. (2010) *Pensiero vivente*. Torino, 2010.
- Garin E. (1990) *La filosofia come sapere storico*. Roma, 1990.
- Garzonio S. (2015) Correspondence between V. Ivanov and L. Gančikov. In: *Russian-Italian Archive X*. Salerno, 2015 (in Russian).
- Kusenko O.I. (2016) 'Russian Philosophical and Religious Thought in Italy'. In: *Philosophical Journal*. 2016. Vol. 3 (9), pp. 61-79 (in Russian).
- Maslin M.A. (2015a) 'Russia and Europe: Dialogue on Russian Philosophy'. In: *Essays on Conservatism. Almanac of Institute for Socio-Economic and Political Studies Foundation*. 2015. Vol. 3, pp. 25-33 (in Russian).
- Maslin M.A. (2015b) 'Philosophical Russian Studies Overseas'. In: *Bulletin of Russian Humanitarian Science Foundation*. 2015. Vol. 1, pp. 119-131 (in Russian).
- Motroshilova N.V. (2015) 'Martin Heidegger's «Black Notebooks»: in the Wake of Publication?'. In: *Voprosy Filosofii*. 2015. Vol. 4, pp. 131-162 (in Russian).
- Špidlík T. (1995). *L'idea russa. Un'altra visione dell'uomo*. Roma (Russian Translation: Saint Petersburg, 2014).